

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 2, Pp. 421–432, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.221

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-421-432

Связь акциональных и вербальных кодов в бурятских обрядах для бездетных семей

Людмила Санжибоевна Дампилова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник

0000-0003-0917-5432. E-mail: [dampilova_luda\[at\]rambler.ru](mailto:dampilova_luda[at]rambler.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Дампилова Л. С., 2025

Аннотация. *Введение.* Актуальность работы обусловлена отсутствием специальных исследований по теме бездетности в монголоведной фольклористике с позиции связи вербального компонента со структурой обрядового действия. Впервые предлагается сравнительное исследование внутри одного обряда в диахронном срезе и с другими региональными обрядами в синхронном аспекте, что позволит выявить взаимосвязь вербальных и акциональных кодов. *Целью* данного исследования является выявление связи акционального и вербального компонентов обряда, *задачи* связаны с определением устойчивых мотивов и символов, сохранившихся в культурных кодах традиционного обряда. *Методы.* Для выявления особенностей архитектоники и семантики обрядового действия используется структурно-семиотический метод анализа совместно с методом типологизации. Исследование проводится с позиции «включенного наблюдения», что способствует выявлению того, как носители этнической культуры понимают и объясняют свои традиционные ритуальные практики. *Результаты.* В статье рассматриваются в сравнительном аспекте во времени и пространстве три обрядовых действия, относящиеся к западным бурятам. Исследуемые баргузинские и кабанские буряты относятся к западным бурятам (верхоленским эхиритским родам, переселившимся с Предбайкалья в Прибайкалье три века назад). Обряд баргузинских бурят для бездетных семей проводился в начале XX в. и тесно связан с их древними мифологическими традициями поклонения огню. В обряде «Суд старух» западных бурят, проводившемся приблизительно в это же время, акциональный код отличается прагматическим аспектом, вербальная часть частично соответствует семантике обрядового действия предыдущего обряда. Третий обряд «Поклонение бабушке Аля» западных бурят, восходящий к шаманским традициям угощения и задабривания гневных и мстящих духов, проводился как в начале XX в., так бытует и в настоящее время. В современном варианте данного обряда актуален только акциональный код, вербальная часть сохранилась в более ранних архивных записях. *Выводы.* Установлено, что в синхронном срезе обряды отличаются по композиции и семантике. В обряде баргузинских

бурят основное значение имеет мифологический компонент: шаманский ритуал просьбы души ребенка у божества огня. В обрядах «Суд старух» и «Поклонение бабушке Аля» более востребован реальный прагматический аспект: просьба у божеств увеличения силы для детородной функции. В диахронном срезе в современных обрядах наблюдается утрата вербального компонента, актуализируется пищевой код. Выявлена взаимозависимость акционального и вербального кодов в ходе обрядового действия.

Ключевые слова: семейные обряды, акциональные и вербальные коды, мифы, шаманизм, душа, огонь, мстящие духи

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (номер госрегистрации: 121031000259-6).

Для цитирования: Дампилова Л. С. Традиционные коды в обрядах для бездетных семей // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 2. С. 421–432. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-421-432

The Connection between Actional and Verbal Codes in Buryat Rituals for Childless Families

*Liudmila S. Dampilova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Research Associate

0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Dampilova L. S., 2025

Abstract. Introduction. The work is relevant enough for the issue of childlessness in Mongolic folklores and the connection between verbal and structural elements of the ritual remain understudied. The paper is first to secure a comparative diachronic insight into one rite and synchronic reviews of the other regional rituals, which makes it possible to reveal the relationship between verbal and actional codes. **Goals.** The study aims to identify the connection between actional and verbal components of the rituals. To facilitate this, it shall identify stable motifs and symbols preserved in cultural codes of the traditional rite. **Methods.** Structural-semiotic analysis tools and those of typologization prove instrumental in outlining the features of architectonics and semantics inherent to the ritual action. The study is conducted from the perspective of ‘participant observation’, which helps reveal how bearers of ethnic culture comprehend and explain their traditional ritual practices. **Results.** The article examines — in time and space — three ritual acts characteristic of the western Buryats in a comparative perspective. Ethnically, the Barguzin and Kabansk Buryats under study are western Buryats, namely Ekhirit clans that migrated from the Upper Lena to Transbaikalia three centuries ago. The Barguzin Buryat rite for childless families was held in the early twentieth century, and is closely related to their ancient mythological traditions of fire worship. In the rite referred to as ‘Judgment of Old Women’ and observed among western Buryats around the same time, the actional code differs by its pragmatic aspect, while the verbal part to a certain extent coincides with the semantics of the ritual action in the previous rite. The third rite of ‘worshipping grandmother Alya’ that dates back to the shamanic traditions of treating and appeasing angry and vengeful spirits was also held in the early twentieth century. In the modern version of this rite, only the actional code is relevant, and the verbal part has been preserved in earlier archival records. **Conclusions.** The paper shows the rituals differ compositionally and semantically in a synchronic perspective. In the rite of the Barguzin Buryats, it is the mythological component that retains primary importance: the shamanic ritual articulates a request for a child’s soul from the deity of fire. In the two other rites, it is the actual pragmatic aspect that is in greater demand: those serve to request the deities for increased reproduction strength. In a diachronic perspective, present-day ritual patterns tend to lose the verbal component, which actualizes the food code. So, the interdependence of actional and verbal codes during ritual efforts is revealed.

Keywords: family rituals, actional and verbal codes, myths, shamanism, soul, fire, avenging spirits

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000259-6 'Peoples of the Baikal: Ethnocultural Identity in Architectonics of Folklore and Literary Texts'.

For citation: Dampilova L. S. The Connection between Actional and Verbal Codes in Buryat Rituals for Childless Families. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 421–432. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-421-432

1. Введение

Ритуальные действия, связанные с проблемой рождения детей, можно отнести к одним из наиболее востребованных тем для выявления локальных особенностей обрядов жизненного цикла. Меры по преодолению бездетности в бурятской традиции в первую очередь были связаны с религиозно-обрядовой практикой как сакральным действием. Обряды жизненного цикла имели утилитарную функцию, и их прагматический статус определял ход обрядового действия. Символическая функция обряда полностью подчиняется его утилитарной функции. В ритуале «для каждой этнической культуры характерны свои представления о значимости тех или иных аспектов поведения» [Байбурин 1993: 5], поэтому обряды подобного характера в каждом регионе отличались как по композиции, так и по семантике. И при этом надо иметь в виду, что «в культуре, жизнь которой определяется ритуалом, именно знаковые потребности определяют характер и структуру материальных нужд, а не наоборот» [Топоров 1988: 17].

Целью данного исследования является выявление связи в культурных кодах в обряде для бездетных, объединенных архитектоникой действия и семантикой вербального текста. В работе уделяется внимание двум основным кодам в традиционном обряде: «акциональному (обряд — последовательность определенных ритуальных действий)» и «вербальному (обряд содержит словесные формулы, приговоры, благопожелания¹ и т. п., сюда же относятся терминология и имена)» [Толстой 1995: 167–184]. Отсутствие специальных исследований по теме бездетности в монго-

ловедной фольклористике обуславливает актуальность работы. В этнографических исследованиях достаточно подробно изучены обряды для бездетных семей, ритуалы и гадания для продолжения рода [Хангалов 1960; Балдаев 1961; Басаева 1980; Галданова 1987; Содномпилова и др. 2021; и др.]. В статье новым является разделение описаний обрядов на отдельные элементы и сравнение этих элементов друг с другом внутри одного обряда (диахронно) и между различными обрядами (синхронно), что позволит с фольклористической точки зрения выявить наиболее сохранившиеся мотивы и символы в вербальной и акциональной части обрядов и их взаимосвязь. Работа является продолжением исследований автора работы по теме бездетности [Дампилова 2024: 40–46].

В статье востребован метод сравнительного анализа для выявления особенностей структуры и семантики обрядового действия. Структурно-семиотический метод анализа основных культурных кодов (акциональных и вербальных) совместно с методом типологизации символов позволит сформулировать общие принципы самопорождения вербального составляющего обряда. В работе особое значение имеет описание традиции носителями обряда. Исследование проводится с позиции «включенного наблюдения» (В. Тернер, Б. Малиновский, К. Гирц и др.), что способствует выявлению того, как носители этнической культуры рассказывают и объясняют свои традиционные ритуальные практики и свою систему ценностей. «Любое рассказывание — это ментальный акт ценностной природы. <...> А всякий текст — если не эксплицитно, то, по крайней мере, имплицитно — аксиологичен, он вольно или невольно манифестирует

¹ См. подробнее [Хабунова и др. 2024].

некую систему ценностей» [Тюпа 2021: 17, 18]. Источниками исследования являются современные полевые материалы с разных регионов в сравнении с архивными и изданными материалами по теме.

2. Акциональный код в обрядах для бездетных семей

Обряд для бездетных семей записан автором работы в с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия. Описание обряда информант запомнила от своей бабушки, поэтому можно предположить, что такой ритуал проводился приблизительно в начале XX в. Сегодня обряд не проводится, более востребованы гадания и поклонения на священных местах для просьбы детей. Особенность проведения этого действия в том, что тема бездетности для бурят была запретная, поэтому ритуал старались проводить узким семейным кругом: *Үри хүлээхэн айлда аха дүүнэринь, абганар нагасанар сугларна* 'Семья, ожидающая детей, приглашает братьев, сестер, дядю и тетю с отцовской и материнской стороны' [ПМА: Инф. 1]. Запрещалось об этом говорить, чтобы не навлечь на себя подобный тяжелый грех, а бездетные семьи старались не озвучивать свою проблему. Как отмечают этнографы, у шаманистов бездетность связывали с нарушением запретов, по буддийским традициям может быть расплатой за грехи предыдущих рождений [Содномпилова и др. 2021: 253].

Главным действующим лицом в подобных обрядовых действиях в основном были шаманы или шаманки¹, старики и старухи, относящиеся к шаманским родам, или знатоки традиции. В нашей записи ведущим выступает отец бездетного хозяина дома, он объясняет присутствующим выбор вида проведения обряда: *Дасан ошоожо асуухадамни, аха дүүгээ, абга нагасанараа суглуулжа галаа тайха гэжэ маанарта мэдүүлхэн байна* 'Сходили в дацан и спросили, что нам делать. Лама ответил, что надо собрать родственников и провести обряд поклонения огню' [ПМА: Инф. 1]. В этом эпизоде наблюдается контаминация традиционных и буддийских

мировоззрений. Астролог-лама, следуя исконным традициям бурят эхиритского племени, предлагает обряд, связанный с одним из древних шаманских методов почитания огня. В данном случае реинтерпретируется процесс гадания, в результате чего выявляется, какой метод будет действенным в прагматическом аспекте.

В бурятской традиции семейные и хозяйственные обряды в основном начинаются с поклонения божеству огня. В структуре действия в семантическом аспекте доминирующим в обряде по устранению бездетности является символическая связь с хозяином огня, очага. Для нашего исследования опираемся на наиболее общее определение С. Ю. Неклюдова о роли божества огня: *«Божество огня, покровительствующее семье, деторождению, домашнему очагу; предок всех многочисленных и безымянных духов огня, обитающих в каждом очаге. Вместе со своей женой Санхалан-хатун Сахядай-нойон является весьма почитаемым онгоном — иконическим „вместилищем“ духа и его конкретной персонификацией; в его лице поклоняются духу родового огня, который представляется человеком красного цвета (иногда эта пара именуется Гал-Голыхан и Гули-хатун)»* [Неклюдов 1992–1993: 311–321]. Г. Р. Галданова отмечает, что имена Сахядай-нойон и Сахала-хатан в несколько измененном варианте встречаются в текстах обрядников, где говорится, что огонь *«высекает Хан Сагаадай-дедушка, а разводит его Санхалан-бабушка»* [Галданова 1987: 34].

Для нас важно проследить интерпретацию акционального кода носителями традиции. В ходе действия разыгрываемый гадательный процесс, связанный с огнем, имеет семиотический подтекст, проводящий обряд объясняет значение символов: *Хормойгоо бэлдээд галайнгаа ошыеень хаража, хэнэй эбэртэ унахаб гэжэ хүлээжэ мургэгты. Энэмнай юун гэжэ удхатайб гэхэдэ, хэнэй хормой дээрэ ошон унахаб тэрэ аилайхиhaа үхибүү гуйха, эрихэ болоно. Хэрбээ хүбүүгүй эзэнэй хормой дээрэ унабал, эдэ айл үхибүү үргэжэ абахаяа нэгэ бага хүлээхэ гэхэн удхатай. Юундэб гэхэдэ үри түрэхөөр байна гэшиэ* 'Раскинув подолы дэгэлов, мо-

¹ См. подробнее о функции шаманов в бурятской эпической традиции [Николаева, Дампилова 2023].

литесь и следите за искрой огня, ожидая, на чей подол упадет искра. Смысл этого следующий: кому на подол упадет искра, в той семье должны просить ребенка. Если же искра упадет на подол бездетного хозяина, тогда этой семье следует повременить с усыновлением. Это говорит о вероятности рождения своего ребенка' [ПМА: Инф. 1].

Итак, в первую очередь стоит обратить внимание на традиционный мотив отлетевшей искры от очага, являющийся в бурятских мифах и преданиях одним из распространенных символов. Так, в мифе «Булагат и Эхирит», записанном И. Е. Тугутовым от Е. К. Харламова, 1901 г. р., в с. Бильчир Осинского района Иркутской области в 1961 г., данный мотив является предвестником появления ребенка: «Однажды, когда Асуйхан и Хусуйхан сидели на хойморе, от очага взлетели им на подол тлеющие угольки» [Небесная 1992: 156]. В мифах о первопредках обряд проводят всегда шаманки, что подчеркивает их сверхъестественные способности для связи с божествами. В обрядовом событии востребована мифологическая функция искры как вместилища души ребенка. В данном случае, хотя обряд проводят члены семьи и обращаются за советом к ламе, он восходит к шаманским ритуальным действиям с характерным для традиционных верований акциональным кодом.

В традиционном мотиве отлетевшей искры от огня присутствуют два гадательных процесса: если искра на подоле у бездетного мужчины, то он сам сможет иметь детей, а если искра падает на подол другого, то тогда надо усыновить ребенка. Не менее значим еще один акциональный код в структуре обряда. Если искра от очага прилетает на подол многодетного родственника, он как бы берет эту искру и прячет за пазуху. Возможно, тут символический подтекст, что надо забрать душу своего будущего дитя.

Композиция обрядового действия вписывается в общий контекст семантики вербальной части. На вопрос, согласится ли тот, кому на подол упала искра, отдать своего ребенка, информант отвечает, что с древних времен у бурят была традиция воспитывать детей вместе, брать у своих родственников, и никогда не было бездомных ребят, ибо де-

тей без родителей всегда забирали родственники [ПМА: Инф. 1]. В обряд вставляется прагматический аспект решения проблемы: «Даже замужняя, но бездетная женщина не избавлялась от греха, пока не обрела статус матери. Его она могла получить, усыновляя приемных детей» [Содномпилова и др. 2021: 243]. Существует множество устных рассказов, как после усыновления ребенка в семье появлялись собственные дети.

В архивных и изданных вариантах существуют разные региональные версии проведения обряда «Суд старух» у западных бурят. В материалах М. Н. Хангалова и С. П. Балдаева представлены обряды, записанные в конце XIX – начале XX вв. В некоторых текстах группа старух, а в записях С. П. Балдаева семь старух, проводят обряд для бездетных семей. В акциональном коде обряда основным действием является мотив битья: бьют бездетного мужчину сухожилиями, женскими трусами, шаман бьет женщин тростями. Если в предыдущем обряде символические знаки явно отсылают к шаманским традициям по коммуникативной связи с небожителями и небесными магическими силами, то здесь востребована утилитарная прагматическая функция воздействия. Но и этот обряд может восходить к шаманским традициям более раннего периода: «У идинских бурят шаман, призвав медвежьего онгона, бил девушек тростью по щеке. Кого сильно ударили, у тех могли появиться дети» [Потанин 1883: 154]. Мотив битья связан с символической функцией передачи силы для рождения ребенка, поэтому более сильный удар должен быть эффективнее. Если в одних обрядах только бьют женскими трусами, то другие отличаются «поочередным надеванием на голову женатому, но бездетному мужчине панталон всех участвующих в обряде старух и хлестании этими панталонами по его спине» [Манжигеев 1978: 90]. Подобные нагнетания действий во время обряда должны увеличивать воздействия магической силы.

Материалы наших экспедиций доказывают традиционность и актуальность мотива надевания трусов в акциональных кодах в ходе обрядов жизненного цикла: «На свадьбе почетной гостье бабушке дарили шта-

ны (*үмдэ үмдхүүлхыма*) с пришитой соболиной шкуркой, иногда пришивали копейку. Она должна была надеть, приподнять подол и похлопать себя по животу, как бы хвастаясь: посмотрите, что мне подарили. Это обряд, чтобы было детей много. Вот сейчас тоже бабушкам у нас надевают» [ПМА: Инф. 2]. Символически обряд связан с прибывающей детородной функцией и дарением детей.

Сегодня существуют обряды, посвященные шаманке *Аля төөдэй*, функции которой состоят не только в даровании детей бездетным парам, но и в защите беременных женщин. Стоит обратить внимание, что этот современный обряд состоит только из акционального компонента с ритуалом капания и подношения, чаще являющегося эпилогом обрядового действия. В полевых материалах М. В. Хандагуровой об обряде «бабушке Аля» (*Аля төөдэй*), записанном у кудинских и верхоленских бурят в 1996–1997 гг. в разных селах Иркутской области есть сведения, что Аля прибыла в местность Нагалык из Монголии, вышла замуж, была красавицей, вела разгульный образ жизни, не имела детей. Как и во многих шаманских историях, после смерти выясняются ее шаманские корни [Хандагурова 2008: 159]. К особо жестоким мстящим духам относили шаманок, умерших бездетными, поэтому обряды им посвящали постоянно, если они относились к их роду. Одним из востребованных правил проведения обряда в данном случае становится обращение к гадалке с просьбой узнать, мстит ли ей действительно *Аля төөдэй* [Хандагурова 2008: 159]. В баргузинском обряде у ламы спрашивают вид обряда, современные западные буряты чаще всего узнают необходимость проведения обряда у гадалки, тоже имеющей особенные способности.

Обряд «Поклонение бабушке Аля» (*Аля изиидэ мургэл*), записанный в с. Ранжурово Кабанского района, по композиции повторяет обряды, записанные Иркутской области: «Совершение обряда возлагается на особого человека *сагааши*. Таким статусом наделяются мужчины, обычно пожилые, имеющие шаманское происхождение и, скорее всего, родословие „белых“ шаманов. При совершении обряда ему оказывает по-

мощь еще один человек, называемый *тагша баряши* (букв. ‘державший чашу’. — Л. Д.). Им может быть любой мужчина. На обряде обязательно присутствует женищина, от имени которой совершается обряд. Для жертвоприношения Аля-изи нужны хвост рыбы, конфеты, печенье, молочная пища (*сагаан шара* в говоре местных бурят. — Л. Д.), спиртное и высушенные тестикулы барана. Следует отметить, что у местных бурят лучшей частью рыбы, пригодной для принесения в жертву божествам, считается именно хвост. Высушенные тестикулы барана предварительно измельчают и отваривают. Само ритуальное действие *сагааши* совершает во дворе. Он приносит в жертву все продукты, подготовленные для обряда. Спиртным совершает жертвоприношение его помощник *тагша баряши*» [ПМ С. Д. Гымпиловой: Инф. 3].

У кабанских бурят ритуал также состоит из акционального кода, и особое внимание обращается пищевому коду, где используется именно хвост рыбы и оговариваются методы подготовки пищи. В обряде баргузинских бурят пищевой код особо не выделяется и связан только с кормлением духа огня молочными продуктами и водкой. В обряде «Суд старух», где актуальны действия сексуального характера для появления детей, мужу подают шулята со словами: «*Кушай шулята, будь, как баран и козел, похотливым*» [ЦВРК. Балдаев, № 347(385)/488(345). Л. 6]. Особенностью обряда иркутских бурят «Поклонение бабушке Аля» является детальное расписывание подносимой пищи мстящему духу: подношение свежей рыбы, с головой и хвостом, цельной, со всеми костями и других современных продуктов [Хандагурова 2008: 159]. В обряде же кабанских бурят при перечислении тех же продуктов требуется хвост рыбы. И что примечательно, в их пищевом коде, как и в обряде «Суд старух», востребованы половые органы барана для увеличения сексуальных способностей бездетных супругов. Так что пищевой код имеет свои символические подтексты, которые сохраняются в ходе обрядовых действий в разных регионах. В синхронном срезе обрядов «Суд старух» и «Поклонение бабушке Аля» в пищевом коде наблюдаются

небольшие различия, в диахронном аспекте выявлено совпадение символа увеличения половых функций в обрядовом действе.

Итак, в акциональном коде в обряде баргузинских бурят необходимо выделить наиболее ранний мотив испрашивания души ребенка от божества огня. Мотив искры от огня восходит к древним мифологическим представлениям монгольских народов и тесно связан с мифами о первопредках племен эхирит. В обряде западных бурят «Суд старух» используется мотив битья как подача силы для увеличения детородных функций, значимыми являются прагматические действия игрового характера с сексуальным подтекстом. Особо обращая внимание на интерпретацию ритуала носителями традиций, выявляем, что символ в акциональном

коде подчиняется расшифровке функционирования необходимой прагматики в структуре обряда. В акциональном коде обрядов для бездетных востребованы магические гадательные функции: разгадка символических знаков, связанных с искрами от огня, лама-астролог или гадалка в роли предсказателя.

3. Вербальные коды в обрядовом действе

Любой традиционный обряд бурят в основном начинается с призывания божеств небесного пантеона с просьбой оказания помощи. В баргузинском обряде отец бездетного сына подносит божеству огня топленое масло, и все начинают молиться, он же произносит призывание:

*Гал ехэ гуламта,
Зол ехэ заяаша,
Гал хотоймо үнэрһөөнь,
Газар хотоймо баянһаань заяагыта,
Урга дааха эрэдэ
Мори үгытэ,
Үгэ дааха эшидэ
Үри үгытэ,
Хүбүүндэмни үри хүлдэ заяагым!
Ута нюргаа нугарса,
Монсогор тархья дохисо,
Гал гуламтадаа мургэнэб.*

Великий очаг огня,
Великая созидательница судьбы
От духа великого огня,
От богатства земли подайте,
Мужчине, держащему аркан,
Коня даруйте,
Женщине, держащей слово,
Ребенка даруйте,
Сыну моему душу ребенка даруйте.
Длинную спину сгибая,
Круглую голову преклоняя,
Огню очага молюсь.

[ПМА: Инф. 1].

По структуре текст особо не отличается от трафаретных образцов подобных обращений к божеству огня в западно-бурятской традиции. Первые две строки как короткое воззвание к хозяину огня совпадают с общепринятыми текстами обращений к огню в любых обрядах. Далее две строки более близки к шаманским текстам заключительной части обряда из «Даланга хуруйлга» («Просьба благодати»), зачастую входящим отрывками в разные шаманские обрядовые материалы, по жанру относятся к заговорам. Следующие строки относятся к основной цели обращения: просьба ребенка, и эпилогом становится преклонение духу огня. Думается, текст складывался непосредственно в рамках данного обряда, вбирая в себя трафаретные тексты из других шаманских обрядов.

Стоит обратить внимание, что в вышеприведенных примерах божество огня называют *заяаша*, т. е. дарующий судьбу. Тэнгри судьбы в мифологии монгольских народов существуют как отдельные божества, и их раздельная ипостась четко прослеживается в следующем примере: Растопленный в очаге огонь наш / От бесчисленных молний небес. / Бренное тело наше / От Заян Саган тэнгрия (*Түлижэ хууһан галнай / Тэнгэрин түмэн сахилгаанһаа юм. / Түнхэлзэжэ хууһан бэемнай / Заян Сагаан тэнгэриһээ*) [Балдаев 1961: 273]. В данном случае бог огня соединяет в себе функции дарителя жизни и судьбы.

Из множества коннотаций образа хозяина огня в вербальном коде озвучивается его роль как хранителя души будущего ребенка: *Хүбүүндэмни үри хүлдэ заяагым!* 'Сыну

моему душу ребенка даруйте'. На вопрос о значении этих строк информант отвечает: *Гал гээшэмнай уг гарбал үргэлжүүлгын, халбаран хүгжөөлгын нүлдэ юм даа* 'Огонь для продолжения и расцветания потомства дарует сульдэ душу ребенка', «С просьбой даровать душу ребенка обращались к Гал Заяши, а Гал Заяши в свою очередь должен обратиться к Эхэ Заяши, которая дарует души детей» [Обряды 2002: 40]. Устойчивость значимого символа *сульдэ* в традиции проведения обряда огню для бездетных у баргузинских бурят подтверждают сведения Г. Р. Галдановой о роли *шибэгишин*: «У баргузинских бурят **шибэгишин** — служитель огня, которого приглашали на свадь-

бы и моления огню при бездетности» [Галданова 1987: 34]. До сих пор на свадьбах у баргузинских бурят служитель огня со стороны жениха обязательно проводит обряд *гал тахиха*, он возжигает огонь в доме новой семьи, «поднимая вверх неугасимый огонь очага» (*унтарагшагуй гал гуламтаяа өөдэнь үргэхэ*).

Если в обряде баргузинских бурят требуется единственное божество огня как даритель души детей, то в вербальном коде обряда «Суд старух» обращаются почти ко всем божествам, имеющим отношение к материнству. Вербальная часть обряда является обращением с просьбой к божествам:

*Хүниие хүн болгоһон,
Хүлэгий морин болгоһон,
Манзан Гүрмэ төөдэй,
Нюргатые морин болгоһон
Нюхатые хүн болгоһон,
Эхэ Юуран төөдэй,
Гал түлэжэ, гадаһа шааһан,
Гэр гэрлүүлһэн,
Гал гуламта байлгахан,
Сахядай ноён баабай,
Сахала хатан ибии...
Нарайе басаган болгоһон,
Нилсагайе хүбүүн болгоһон...
Буха ноёной басаган,
Эрхэ Сүйбэн тайжа!*

Человека человеком сделавшая,
Рысака в коня превратившая,
Бабушка Манзан Гүрмэ,
Имеющих спину в лошадь превратившая,
Сопливых людьми сделавшая
Бабушка Эхэ Юран,
Огонь разведя, колышек вбив,
Юрту поставившие,
Домашний очаг установившие,
Отец Сахядай нойон,
Матушка Сахала хатан...
Новорожденных в девочек превратившие,
Младенцев в мальчиков превратившие...
Дочь Буха-нойона,
Эрхэ Суйбэн тайжа!

[ЦВРК. Балдаев, № 347(385)/428 (385)].

Действо в ритуале начинается с налаживания связи с божествами женского / материнского цикла, начиная с великой бабушки всех божеств светлого западного пантеона Манзан Гүрмэ, затем идет мать Эхэ Юрэн, по иерархии их сыновья, дочери. Все божества подобраны с расчетом на их магическое содействие. Основным адресатом является дочь Буха-нойона Эрхэ Сүйбэн, имеющая в пантеоне божеств функцию хранителя материнства. В структуре подобных обрядовых действий наблюдается четкая ролевая закреплён-

ность действующих персонажей. Думается, что вербальный компонент обряда имеет более древние традиции, и хотя здесь конкретно не упоминается просьба души ребенка у божеств, по шаманской мифологии предполагается этот ритуал. Можно констатировать, что со временем в вербальной части обряда, согласно семантике действия, затушевываются ранее важные символические компоненты.

В вербальном коде после обращения к божествам расписывается ход действий и эпилогом идет просьба:

*Орынь оболзуулхын түлөө,
Хүнжэлынь хүбхэдүүлхын түлөө,
Тэб байсаран тэбэрэлдүүлэгты,
Шаб байсаран озолдуулагты!
Эсэгын мүнгэн сэргыень
Абалсуулагты,*

Чтобы кровать качалась,
Чтоб одеяло колыхалось,
Крепко обниматься заставьте,
Пылко целоваться заставьте!
Отцовской серебряной коновязи
Войти помогите,

*Эхын алтан умайень
Эблүүлэгты.*

Вербальный код, поддерживая акциональную часть обряда, также имеет сексуальный акцент и магическую заклинательную функцию. Метафорические обозначения мужского и женского начала, как серебряная коновязь и золотое лоно, восходят к фольклорным трафаретным формулам. Стоит обратить внимание, что эмоциональный и назидательный акцент вербального кода увеличивает прагматическую функцию обряда. Помимо обращений к божеству, обряд также сопровождается прозаическими наставлениями бездетным парам после

Материнскому золотому лону
Принять помогите.

[ЦВРК. Балдаев, № 347(385)/428 (385)].

подношения угощений божествам: «Будь, наконец, мужчиной, отцом многочисленных детей и т. д.» [Манжигеев 1978: 90].

Если в современных записях обряда «Поклонение бабушке Аля» отсутствует вербальный компонент, то в более ранних архивных записях С. П. Балдаева про «Игровую невестку» («Аляа бэргэн») подтверждается, что она была бездетной великой шаманкой, обижаемой мужем [ЦВРК. Балдаев, № 301 (355а). Л. 157–158]. Вербальная часть обряда раскрывает ее как сексуально одержимую женщину:

*Уутайн шэнээн үтэгэндээ
Ургайн шэнээн озогой бэдэржэ,
Горхо зайжа ябалайш,
Гол шэншэлжэ ошолойш,
Хүбүү харахадаа,
Хүрэнхэтэйдэн аналдалайш,
Дубуун дээрэ дабиралдалайш,
Огом соон охолдолойш.*

На вагину величиной с мешок
В поисках фаллоса величиной с шест
Вдоль реки ходила,
Всю долину обошла,
Увидев парня,
В «достоинство» его ты вцепилась,
На холме ты с ним соединялась,
Силу его исчерпала.

[ЦВРК. Балдаев, № 301 (355а). Л. 157–158].

Если текст с поэтическими намеками в обряде «Суд старух» полностью подчинен задаче воссоединения супругов, то в данном случае гиперболизированные сексуальные возможности почитаемого духа предполагают увеличение детородных функций.

В вербальном коде обряда для бездетных семей участвуют традиционные мифологические персонажи шаманского пантеона божеств, дарующие души детей. Объектами поклонения и просьбы помощи также могут стать мстящие и обиженные бездетные духи шаманского происхождения, которых необходимо задабривать и ублажать, чтобы не препятствовали рождению детей. В ходе анализа выявлено, что в структуре проведения обряда акциональный код каждого обряда соответствует вербальному коду.

4. Заключение

С глубокой древности преодоление проблемы бездетности было одной из основных жизненно важных задач бурятского общества. В работе прослежено изменение сложившейся системы религиозно-обряд-

довой практики. Обряд, первоначально проводимый шаманами, может заменяться стариками из шаманского рода и просто стариками и старухами. В ходе анализа определено, что акциональный код тесно связан с вербальной составляющей обряда и напрямую влияет на понимание и интерпретацию текста. Вербальный код также может мотивировать необходимость тех или иных акциональных ритуальных практик. Проведенный анализ показал, что наличие схожих символов и мотивов в структуре обрядового действия в исследуемых ареалах имеет системный характер. Ритуалы для бездетных коррелируют с общепринятыми символическими кодами других обрядов монгольских народов. Установлено, что перечень адресатов для поклонения отражает традиционный пантеон персонажей шаманской мифологии бурят. Согласно структуре и семантике обряда, в одних вариантах у божества огня просят душу ребенка. В более поздних вариантах напрямую души детей не просят, а просят божества и духов помочь увеличить детородные функции для бездетных

и не препятствовать исполнению желаний. В архитектонике обрядового события установлена значимость семиотической специфичности региональных вариантов обрядов. Нами выявлено, что традиции прощения детей у бурят в разных регионах в синхронном срезе отличаются друг от друга по структуре и семантике. В диахронном срезе некоторые обряды сохранились с потерей

вербального кода, но с акцентом внимания на пищевом коде. В итоге исследования в акциональных кодах выявлена трансляция традиции как с сохранением древней семантики, так и с перекодировкой магических функций в обряде. С прагматической точки зрения наблюдаются процессы реактуализации, забвения и переосмысления традиционных обрядовых символов и мотивов.

Полевые материалы

ПМА: Инф. 1 — Будзанаева Э. Д., 1951 г. р., род бутай шоно, с. Баянгол, Баргузинский район, Республика Бурятия, 05.07.2023.

ПМА: Инф. 2 — Богомолова В. И., 1930 г. р., булагат, III готольский род; с. Хо-хорск, Боханский район, Иркутская область. 23.08.2010.

ПМ С. Д. Гымпиловой: Инф. 3 — Коняева Ж. П., 1938 г. р., булагат, III готольский род, с. Хо-хорск, Боханский район, Иркутская область. 23.08.2010.

Field Materials

Informant 1: Budzanaeva E. D., b. 1951, clan Butai Shono. Rec. in Bayangol (Barguzinsky District, Republic of Buryatia, Russia) on 5 July 2023. (In Russ. and Bur.)

Informants 2: Bogomolova V. I., b. 1930, sub-ethnic Bulagat, Third Gotol clan. Rec. in Khokhorsk (Bokhansky District, Irkutsk Oblast, Russia) on 23 August 2010. (In Russ. and Bur.)

Informants 3: Konyaeva Zh. P., b. 1938, sub-ethnic Bulagat, Third Gotol clan. Rec. in Khokhorsk (Bokhansky District, Irkutsk Oblast, Russia) on 23 August 2010. (In Russ. and Bur.)

Источники

ЦВРК — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBT SB RAS).

Литература

Балдаев 1961 — Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 256 с.

Байбурин 1993 — Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 238 с.

Басаева 1980 — Басаева К. Д. Семья и брак у бурят: вторая половина XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, СО, 1980. 224 с.

Галданова 1987 — Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 116 с.

Дампилова 2024 — Дампилова Л. С. Мотив бездетности в мифе о первопредках бурят // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 40–46.

Манжигеев 1978 — Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 125 с.

References

Baldaev S. P. Selected Writings. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1961. 256 p. (In Russ.)

Baiburin A. K. Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analyses of East Slavic Observances. St. Petersburg: Nauka, 1993. 238 p. (In Russ.)

Basaeva K. D. Family and Marriage in Buryat Society. Novosibirsk: Nauka, 1991. 180 p. (In Russ.)

Galdanova G. R. Pre-Lamaist Beliefs of Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1987. 116 p. (In Russ.)

Dampilova L. S. The motive of childlessness in the myth of the ancestors of the Buryats. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*. 2024. Vol. 83. No. 4. Pp. 40–46. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040048

Manzhigeev I. A. Buryat Shamanic and Pre-Shamanic Terms. Moscow: Nauka, 1978. 125 p. (In Russ.)

- Небесная 1992 — *Небесная дева лебедь*: Бурятские сказки, предания и легенды / сост., запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; пер. и предисл. А. И. Тугутова; коммент. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова, Л. Н. Нуркаевой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.
- Неклюдов 1992–1993 — *Неклюдов С. Ю.* Полистадиальный образ духа — хозяина, хранителя и создателя огня в монгольской мифологической традиции // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1992–1993. Т. XLVI (2–3). Р. 311–321.
- Николаева, Дампилова 2023 — *Николаева Н. Н., Дампилова Л. С.* Функции шаманов в бурятской эпической традиции // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 647–659. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-647-659
- Обряды 2002 — Обряды в традиционной культуре бурят / Д. Б. Батоева, Г. Р. Галданова, Д. А. Николаева, Т. Д. Скрынникова. М.: Вост. лит., 2002. 222 с.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. Киршбаума, 1883. 1026 с.
- Содномпилова и др. 2021 — *Содномпилова М. М., Башкуев В. Ю., Нанзатов Б. З.* Человек в традиционной культуре и медицине тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2021. 310 с.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 167–184.
- Топоров 1988 — *Топоров В. Н.* О ритуале: введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: [б. и.], 1988. С. 5–60.
- Тюпа 2021 — *Тюпа В. И.* Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетея, 2021. 270 с.
- Хабунова и др. 2024 — *Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Эльбикова Б. В.* Здоровье как главная ценность жизни в благопожеланиях монгольских народов // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 400–412. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-400-41
- Tugutov I. E., Tugutov A. I. (comps.) *The Heavenly Swan Maiden: Buryat Tales, Stories and Legends* [Recorded by I. Tugutov and A. Tugutov]. A. Tugutov (foreword), I. Tugutov, L. Nurkaeva (comments). Irkutsk: East Siberia Book Publ., 1992. 368 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Master spirit, creator and preserver of fire in traditional Mongolic mythology: [Analyzing] the polystadial image. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1992–1993. Vol. XLVI (2–3). Pp. 311–321. (In Russ.)
- Nikolaeva N. N., Dampilova L. S. Functions of Shamans in the Buryat Epic Tradition. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 647–659. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-647-659
- Batoeva D. B., Galdanova G. R., Nikolaeva D. A., Skrynnikova T. D. Rites in Traditional Buryat Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 222 p. (In Russ.)
- Potaniin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. 4: Ethnographic Materials. St. Petersburg: Kirshbaum, 1883. 1026 p. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M., Bashkuev V. Yu., Nanzatov B. Z. Turko-Mongols of Inner Asia: Man in Traditional Culture and Medicine. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2021. 310 p. (In Russ.)
- Tolstoy N. I. Language and Ethnic Culture: Essays in Slavic Mythology and Ethnolinguistics. Moscow: Indrik, 1995. Pp. 167–184. (In Russ.)
- Toporov V. N. About ritual: An introduction. In: Rozhansky L. Sh. (comp.) *Archaic Ritual in Folklore and Earliest Literary Narratives*. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. Pp. 5–60. (In Russ.)
- Tyupa V. I. Horizons of Historical Narratology. St. Petersburg: Aletheia, 2021. 270 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E., Dampilova L. S., Elbikova B. V. Health as the Main Value of Life in the Wishes of the Mongolian peoples. *Mongolian Studies*. 2024. Vol. 16. No. 2. Pp. 400–412. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-400-41

Хангалов 1960 — *Хангалов М. Н.* Собр. соч. В 3 тт. Т. 3. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 421 с.

Хандагурова 2008 — *Хандагурова М. В.* Обрядность кудинских и верхоленских бурят во второй половине XX в. (бассейнов верхнего и среднего течения рек: Кудя, Мурино и Каменка). Иркутск: Амтера, 2008. 267 с.

Khangalov M. N. Collected Writings. In 3 vols. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 421 p. (In Russ.)

Khandagurova M. V. Rites of the Kuda and Upper Lena Buryats, Mid-to-Late Twentieth Century. Irkutsk: Amtera, 2008. 267 p. (In Russ.)

